

ДОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Прав-
леніи Донской семинаріи въ Ново-
черкасскѣ.

Цѣна годовому изданію вѣдомо-
стей 3 р. 37 съ полов. к., а съ достав-
кою и пересылкою 4 р. серебромъ.

ГОДЪ ВОСЬМЫЙ.

№ 10.

1876 г.

15-го МАЯ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) *Объ утвержденіи въ должности благочиннаго по
Новониколаевскому благочинію.*

Донская духовная Консисторія объявляетъ духовенству
Донской епархіи къ свѣдѣнію, а кому слѣдуетъ для исполне-
нія, что Его Высокопреосвященство 26 апрѣля сего 1876 г.,
согласно избранію духовенства, изволилъ утвердить въ долж-
ности благочиннаго по Новониколаевскому благочинію, на
остающееся время текущаго года и на все будущее трехлѣ-
тіе, священника слободы Веселовознесенской Михаила Одно-
ралова, на мѣсто бывшаго блачиннымъ священника Григорія
Гумилевскаго.

2) *Объ открытіи новаго самостоятельнаго прихода въ
Донской епархіи.*

Донскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ 26 апрѣля сего

1876 года разрѣшено построить церковь въ поселкѣ Родіоново-Нецвѣтѣйскомѣ, Черкаскаго округа, съ образованіемъ при ней самостоятельнаго прихода. Донская Консисторія объявляетъ о семъ по Донской епархіи съ тою цѣлю, не пожелаетъ ли кто изъ наличныхъ священно-церковнослужителей перейти на службу къ церкви означеннаго прихода.

3) По случаю потери книги, выданной въ 1873 году изъ Донской духовной консисторіи для сбора пожертвованій на нужды Верхне-Кибиревской единовѣрческой церкви.

Священникъ единовѣрческой церкви хутора Верхне-Кибиревскаго Кобылянской станціи, Леонтій Колышкинъ донесъ Его Высокопреосвященству рапортомъ отъ 15 декабря прошедшаго 1875 года за № 9, что выданная изъ Донской консисторіи (марта 1873 года за № 2075) книга для сбора пожертвованій на нужды вѣрренной ему Успенской единовѣрческой церкви попечителями сей церкви затеряна. Вслѣдствіе этого и по резолюціи Его Высокопреосвященства, Донская консисторія предписываетъ благочиннымъ и причтамъ Донской епархіи наблюдать, чтобы съ помянутою книгою не производился сборъ пожертвованій во вѣрренныхъ имъ благочиніяхъ и приходахъ, а если кто явится съ нею, то таковыхъ они должны; вмѣстѣ съ книгою и собранными по ней пожертвованіями, передавать мѣстной полиціи и объ исполненіи сего немедленно доносить консисторіи.

4) О пожертвованіи діакономъ Вешенской станицы Филиппомъ Поповымъ 50 руб. на епархіальныя нужды.

Діаконъ Вешенской станицы Троицкой церкви Филиппъ Поповъ при письмѣ отъ 5 февраля сего 1876 года представилъ Высокопреосвященному Платону, Архіепископу Донскому и Новочеркасскому, 50 руб. на нужды Донской епар-

хія и просилъ не оставить помянуть за упокой жену его Марію въ своихъ архиастырскихъ молитвахъ. На письмѣ этомъ Его Высокопреосвященство 25 февраля сего года изволилъ написать слѣдующую резолюцію: „Препровождая въ консисторію приложенные къ сему письму пятьдесятъ рублей, предлагаю записать сіи деньги на приходъ и употребить по назначенію, а приславшаго ихъ діакона Попова увѣдомить чрезъ епархіальныя вѣдомости, какъ о полученіи ихъ, такъ и о томъ, что я буду молиться о блаженномъ упокоеніи души усопшей супруги его.“ О семъ Донская Консисторія объявляетъ діакону Вешенской станицы Троицкой церкви Филиппу Попову.

---

5) О пожертвованіи прихожанами Новочеркасской кладбищенской церкви 21 руб. въ пользу общины при Новочеркасскомъ Архіерейскомъ домѣ.

Прихожане Новочеркасской кладбищенской церкви пожертвовали на устройство при Донскомъ Архіерейскомъ домѣ общины и церкви двадцать руб. Управление сего дома, во исполненіе архиастырской резолюціи, объявляетъ жертвователямъ благодарность Его Высокопреосвященства, увѣдомляя при семъ, что деньги записаны на приходъ и будутъ употреблены по назначенію.

---

6) Приглашеніе духовенства Донской епархіи къ посильнымъ пожертвованіямъ въ пользу семейства умершаго священника Качалинской станицы Іакова Краснова.

Вдова священника Качалинской станицы Татьяна Краснова, оставшись по смерти мужа своего священника Іакова Краснова съ четырьмя малолѣтними дѣтьми: Фаиною, Алексѣемъ, Людмиллою и Анною безъ всякихъ средствъ къ жизни, просить Его Высокопреосвященство

Высокопреосвященнѣйшаго Платона. Архіепископа Донскаго и Новочеркасскаго, назначить ей съ дѣтьми пособіе изъ суммъ Донскаго епархіальнаго попечительства. На прошеніи ея Его Высокопреосвященство изволилъ написать въ 27 день марта сего 1876 года такую резолюцію: „предлагаю попечительству назначить просительницѣ возможное пособіе изъ своихъ суммъ и сверхъ того пригласить духовенство Донской епархіи къ сильнымъ пожертвованіямъ въ пользу бѣднаго ея семейства.“ Во исполненіе такой резолюціи Его Высокопреосвященства, Донское епархіальное попечительство, назначивъ дѣтямъ вдовы священника Красновой пособіе, проситъ духовенство Донской епархіи оказать съ своей стороны помощь осиротѣлому семейству Краснова. Пожертвованія могутъ быть присылаемы въ попечительство чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, для передачи вдовѣ священника Татьянѣ Красновой.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Р Ъ Ч Ъ

предъ избраніемъ дворянъ Донской области, въ общественныя должности, сказанная Высокопреосвященнымъ Платономъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркаскимъ, 3 Мая 1876 года.

Достопочтенные Донскіе дворяне!

Усердныя мольбы, которыя мы сейчасъ вознесли ко Господу, и священная присяга, которую вы скоро произнесете предъ Нимъ, ясно показываютъ, что вамъ предстоитъ важное дѣло. И подлинно, избраніе изъ среды вашей нача-
ль-

ствующихъ и другихъ служебныхъ лицъ для известныхъ частей управленія въ странѣ вашей, для котораго вы собрались теперь, есть очень важное дѣло. Ибо что такое начальникъ и вообще всякое лицо, облеченное какою нибудь властію въ народѣ? Это болѣе или менѣе важное звѣно въ великой машинѣ народоправленія. Поэтому, какъ въ обыкновенной машинѣ отъ всякаго звѣна зависитъ въ известной степени правильный ходъ ея, такъ и отъ каждаго служебнаго лица болѣе или менѣе зависитъ правильное теченіе дѣлъ въ народоправленіи. Скажу болѣе, каждый начальникъ, какъ и всякое другое лицо, облеченное властію, не только есть исполнитель державной воли Монарха, но и *Божіей слуга: ибо нѣтъ власти не отъ Бога, существующія же власти отъ Бога установлены*, говоритъ Апостоль (Рим. 13, 1.4).

Изъ этого вы, милостивые государи, можете видѣть, что вамъ предстоитъ теперь избрать изъ среды своей такихъ мужей, которые бы по умственнымъ и нравственнымъ ихъ качествамъ могли содѣйствовать правильному ходу народоправленія и чрезъ это приносили пользу здѣшней странѣ и всему отечеству нашему, а притомъ были вѣрными слугами не только земнаго, но и небеснаго Царя. Это не легко сдѣлать: ибо *глубоко сердце человеку*, говоритъ пророкъ, *и кто познаетъ его* (Иер. 17, 9)? Поэтому-то мы нынѣ молили Господа, и не престанемъ молить Его, чтобы Онъ Самъ, премудрый и всемогущій, помогъ вамъ избрать изъ среды вашей достойнѣйшихъ служить Ему и Благочестивѣйшему помазаннику Его въ дѣлѣ народоправленія. Поэтому же вы скоро обяжете себя клятвою предъ Богомъ употребить все стараніе ваше избрать такихъ мужей, которые бы достойны были предстоящаго имъ служенія и могли проходить его съ пользою для родной страны вашей.

И мы надѣемся, что вы, какъ умные и благонамѣренные люди, дѣйствительно постараетесь избрать такихъ мужей и будете дѣйствовать при избраніи ихъ добросовѣстно. А дабы облегчить васъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, я по долгу пас-

тырскому укажу вамъ признаки или качества тѣхъ людей, какихъ, по слову Божію, надлежитъ избирать въ общественныя должности. Качества такихъ людей открыты въ томъ совѣтѣ, какой Мадіамскій священникъ Іоѳоръ далъ нѣкогда Еврейскому вождю Моисею. Видя, что этотъ вождь одинъ судить Еврейскій народъ, Іоѳоръ сказалъ Моисею: поступающая такъ, ты измутишь и себя и народъ твой: ибо это дѣло выше силъ твоихъ. И такъ послушай, что я скажу тебѣ: усмотри изъ всего народа людей способныхъ, боящихся Бога, людей правдивыхъ, ненавидящихъ корысть, и поручи имъ разныя должности въ народоправленіи. Моисей послушалъ этого мудраго совѣта и съ соизволенія Божія исполнилъ его (Исх. 18, 13—26. Чис. 11, 16 и 17).—Поэтому и вы, возлюбленные, постарайтесь избрать изъ среды своей людей способныхъ къ тѣмъ должностямъ, для коихъ они предназначаются: ибо неспособный человѣкъ, очевидно, не можетъ хорошо исполнять сдѣланнаго ему порученія;—людей боящихся Бога: ибо страхъ Божій сильнѣе всего можетъ побуждать человѣка къ вѣрному исполненію его обязанностей и удерживать отъ нарушенія ихъ;—людей правдивыхъ: ибо такіе люди по собственному расположенію ихъ сердца будутъ тщательно исполнять всѣ требованія закона и отвращаться того, что противно ему; наконецъ—избирайте людей ненавидящихъ корысть: ибо корыстолюбивый человѣкъ, какъ Іуда предатель, легко можетъ продать за сребренники и законъ, и совѣсть, и честь.—Вотъ такихъ людей выберите въ общественныя должности! Они будутъ вѣрно исполнять свои обязанности во славу Божію, къ удовольствію Монарха и къ пользѣ отечества нашего; а вы заслужите похвалу, какъ умные и добросовѣстные избиратели ихъ.

Да поможетъ вамъ Господь успешно совершить предстоящее вамъ важное дѣло. Благословеніе Его да будетъ надъ вами во вѣки!

О божественномъ происхожденіи христіанства и о православнои церкви, хранительницѣ откровенныхъ истинъ христіанства.

Кантъ выражаетъ это доказательство еще такимъ образомъ: „чистое практическое употребленіе разума состоитъ въ предписаніи практическихъ законовъ, а всѣ они ведутъ къ идеѣ высочайшаго блага, сколько оно можетъ быть осуществлено силою свободы. Но одна свобода нравственныхъ существъ не можетъ вполнѣ осуществить высочайшее благо; она можетъ осуществить одну сторону его — нравственность; а другая сторона, высочайшее благополучіе, соразмѣрное съ нравственностію, относится не къ свободѣ человѣка, а къ природѣ. Для достиженія сего благополучія разумъ имѣетъ нужду признать высочайшее и ни отъ кого не зависящее благо. Благо сіе необходимо требуется не для того, чтобы вывести важность нравственнаго закона изъ побужденій мздовоздаянія, а только для того, чтобы понятіе о высочайшемъ благѣ получило подлежательную существенность, чтобы оно не осталось только однимъ идеаломъ“... „Мы должны искать блага высочайшаго, не имѣя силы основать его сами собою. Это побуждаетъ насъ признать бытіе такой причины, которая отлична отъ природы, не зависитъ отъ нея, которая потому можетъ основать союзъ между счастіемъ и нравственностію. Эта высочайшая причина должна содержать основанія сего союза не только въ одной волѣ своей, но и въ могуществѣ и въ умѣ своемъ. Итакъ, высочайшая причина природы, или лучше, виновникъ ея, который одинъ только можетъ осуществить высочайшее благо, долженъ быть такимъ существомъ, которое и по волѣ, и по уму, и по силѣ своей выше природы. А такое существо есть только Богъ; Онъ хочетъ и можетъ утвердить союзъ между нравственностію и счастіемъ“.

Еще до Канта были подобныя мысли въ богословіи Раймунда. „Поелику человѣкъ имѣетъ свободную волю, по кото-

рой онъ совершаетъ поступки, подлежащія вмѣненію, заслуживающія награду или наказаніе; то необходимо, чтобы существовало такое существо, которе бы и награждало и наказывало, существо могущественное, премудрое и праведный судія. Сего требуютъ нравственныя дѣла, потому что они подлежатъ вмѣненію, т. е. заслуживаютъ или награду или наказаніе:

Другой мыслитель среднихъ вѣковъ дѣлаетъ указаніе на одобреніе совѣстію добрыхъ нашихъ поступковъ, хотя бы другіе ихъ и не признавали, и на порицаніе ею худыхъ поступковъ, хотя бы ихъ и не видали. „Совѣсть не могла бы сего дѣлать, если бы не признавала такого Существа, которое за неправдыя дѣла наказываетъ, а за правдыя дѣла награждаетъ“:

Клей въ исторіи догматовъ говоритъ, что нравственное доказательство обязано своимъ происхожденіемъ Канту. Но мы находимъ его прежде Канта: въ языческой древности и у отцевъ церкви. „Человѣку, говоритъ Златоустъ, данъ прирожденный учитель-законъ; сей законъ есть природное наставленіе, приводящее къ богопознанію.“ Блаженный Иеронимъ также говоритъ о внутреннемъ законѣ. Слѣдовательно, въ числѣ доказательствъ бытія Божія и прежде Канта было нравственное доказательство,—именно указывали на нравственный законъ совѣсти, какъ на явленіе, которое для своего объясненія предполагаетъ понятіе о Богѣ. Законодательство предполагаетъ законодателя; существованіе законовъ совѣсти и нравственныхъ предписаній предполагаетъ Высочайшее существо, которое начертало эти законы и предписанія, и отъ котораго они получаютъ безусловно обязательную силу: это основная мысль такъ называемаго нравственнаго доказательства бытія Божія. Признать нравственное доказательство въ этой именно формѣ Канту не позволяло ученіе его о безусловной автономіи нравственнаго закона. По Канту, нравственный законъ имѣетъ значеніе самъ по себѣ и для себя; исполненіе его не должно за-

висѣть ни отъ какихъ постороннихъ, внѣшнихъ побужденій, будутъ ли это побужденія низшія, эгоистическія, или высшія, религиозныя. Поэтому идея о Богѣ не можетъ и не должна служить предположеніемъ нравственности или основаніемъ обязательности нравственнаго закона. По Канту, очевидно нравственный законъ есть произведеніе нашего практическаго разума.

Но противъ этого нужно сказать, что: а) нравственный законъ такъ строго и властно произноситъ свой приговоръ и господствуетъ надъ нами, что его нельзя признать произведеніемъ самого человѣка; потому что съ произведеніями своими мы обращаемся съ большею свободою и независимостію; б) голосъ совѣсти всѣми народами признается голосомъ Божиимъ, — знакъ, что совѣсть есть требованіе нашей разумной природы, вложенное въ нее Творцемъ, и нами уразумѣваемое; в) человѣка нельзя признать автономнымъ въ нравственномъ отношеніи. А отсюда уже является вопросъ: кто же вложилъ въ насъ нравственный законъ, такъ властно господствующій надъ нами? Вложилъ его Вѣчный Судія—Господь Богъ.

Что касается до значенія этого доказательства, то оно имѣетъ силу въ ряду другихъ доказательствъ; но единственнымъ и полнымъ его назвать нельзя. Нельзя конечно обвинять Канта, чтобы, при изложеніи этого доказательства, онъ училъ своекорыстію; потому что во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ прямо говоритъ, что нужно исполнять долгъ для долга и имѣть уваженіе къ закону ради закона. Основною мыслию его доказательства была та мысль, что въ нравственномъ царствѣ необходимо мздовоздаяніе и что высочайшее благо должно быть достигнуто въ будущей жизни. Но доказательство это есть частное; потому что оно имѣетъ въ виду только человѣка, а не общее бытіе всѣхъ существъ; въ человѣкѣ оно касается только двухъ потребностей—нравственности и счастья, упуская изъ виду важнѣйшую—просвѣщеніе ума. Кромѣ этого при разсмотрѣніи

этого доказательства, нужно замѣтить, что на землѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы о себѣ сказать, что онъ проводитъ добродѣтельную жизнь; даже святые не могли похвалиться полною чистотою жизни; поэтому и требовать себѣ награды никто не можетъ. Другая сторона высочайшаго блага тоже не достижима для человѣка, даже добродѣтельнаго, если полагать высочайшее благо въ соотвѣтствіи между добродѣтелью и счастьемъ, потому что въ жизни весьма часто бываетъ на оборотъ. Часто счастье не зависитъ отъ человѣка, это вѣрно; но съ другой стороны счастье добродѣтельнаго не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ: оно въ немъ самомъ.

Изъ всего этого видно, что сила и значеніе нравственнаго доказательства заключается въ прирожденныхъ человѣку стремленіяхъ къ нравственному усовершенствованію, къ счастью и просвѣщенію разума, и въ совѣсти, внутреннемъ судіи, награждающемъ и наказывающемъ человѣка, независимо отъ самого человѣка. Эти высшія стремленія и внутренній голосъ совѣсти вложены въ человѣка Творцемъ человѣка при его сотвореніи.

4) Наконецъ мы приступаемъ къ важнѣйшему доказательству бытія Божія, къ онтологическому. Это доказательство мы находимъ у различныхъ мыслителей древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ. Оно выводится у нихъ изъ идеи о Богѣ, какъ Существомъ Безконечномъ по бытію и совершенствамъ. Болѣе полное изложеніе его мы находимъ у Ансельма, архіепископа кантерберійскаго. Этотъ мыслитель XI в. заботился о томъ, чтобы вывести истину бытія Божія не изъ священнаго только писанія: „прежде должно вѣрить, говорилъ онъ, потомъ принимаемое вѣрою приводитъ въ яснѣйшее сознаніе; было бы признакомъ ума лѣниваго не желать знать то, чему вѣримъ.“ И его особенно занимала мысль объяснить истину бытія Божія на началахъ разума. Разсмотрѣвъ доказательства бытія Божія, составленныя прежними мыслителями и замѣтивъ недостатки ихъ, Ансельмъ

попытался найти сильнѣйшее доказательство, которое было бы основаніемъ прочихъ. По его собственному сознанию, эта мысль занимала его постоянно, и всюду его преслѣдовала, по временамъ прерывая его сонъ. Однажды какъ бы вслѣдствіе внутренняго озаренія у него скомбинировался рядъ мыслей, утверждающихъ вѣру въ бытіе Божіе. Этотъ рядъ мыслей явился въ его умѣ въ такой формѣ: „всѣ вещи, у которыхъ есть общіе признаки, обладаютъ ими на основаніи самаго общаго; все доброе добро чрезъ самое добро, все прекрасное прекрасно чрезъ самое прекрасное, все великое велико чрезъ самое высочайшее, все существуетъ чрезъ бытіе отрѣшенное, которое уже-само отъ себя, и это отрѣшенное Ансельмъ назвалъ Maximum—величайшимъ, высшимъ всего. Такимъ образомъ необходимо должно быть Высочайшее бытіе, и оно должно быть прекраснѣйшее (maximum—optimum). Другое изложеніе этого доказательства, раскрытое Ансельмомъ послѣ и признанное имъ за непоколебимое, состоитъ въ слѣдующемъ; „существо всесовершенное потому есть все-совершенное, что оно не только въ мысляхъ представляется всесовершеннѣйшимъ, но и въ самомъ дѣлѣ таково. Изъ сего слѣдуетъ, что существо совершеннѣе необходимо существуетъ. Всякій, даже и тотъ безумный, который сказалъ: „нѣтъ Бога,“ признаетъ, что въ умѣ нашемъ есть представленіе о такомъ благѣ, выше котораго нѣтъ и ничего представить нельзя. Но когда въ умѣ есть всеобщее представленіе о такомъ благѣ, то необходимо должно существовать и на самомъ дѣлѣ благо, выше котораго нѣтъ другаго; потому что, еслибы оно заключалось въ одномъ умѣ только, оно не было бы высочайшимъ. Выше его было бы то благо, которое не только въ умѣ, но и на самомъ дѣлѣ существуетъ; и умъ устремился бы къ этому благу, сознавая, что благо, представляемое только въ умѣ, но не существующее реально, не есть высшее. До тѣхъ поръ умъ будетъ находить неудовлетворенную потребность—искать наилучшаго, совершеннѣйшаго, пока не остановился на такомъ всесовершенномъ,

которому принадлежит и дѣйствительное бытіе:“ Въ другомъ мѣстѣ Ансельмъ излагаетъ свои мысли яснѣе: „если можемъ представить въ мысляхъ такое существо, которое нельзя и мыслить несуществующимъ, то оно, безъ сомнѣнія, больше и выше того, которое можемъ представить еще несуществующимъ на самомъ дѣлѣ. Если бы мы представили высшее, впрочемъ не существующее реально; то это было бы не то, выше котораго не могло бы быть другое. Въ такомъ представленіи заключалось бы противорѣчіе. Изъ сего слѣдуетъ, что существо, выше котораго другое нельзя и представить, необходимо должно быть представляемо существующимъ реально, и не можетъ быть мыслимо не существующимъ. А такое существо есть Господь Богъ нашъ.“ Одинъ писатель XIII в. такъ выражалъ онтологическое доказательство: „наилучшее есть наилучшее, слѣдовательно, оно существуетъ; потому что въ понятіи наилучшаго содержится бытіе“. Другой мыслитель такъ выражался: „наилучшее, которое бы не существовало, по себѣ самому не было бы наилучшимъ. Недостатокъ дѣйствительнаго бытія разрушаетъ понятіе наилучшаго; потому что это есть недостатокъ истиннаго совершенства; ибо таково дѣйствительное бытіе, оно есть благо, небытіе есть зло“. Слѣдовательно, наилучшему, совершеннѣйшему существу необходимо принадлежитъ бытіе дѣйствительное.“

Послѣ это доказательство то утверждали, то опровергали. Еще въ XI в. одинъ схоластическій писатель возражалъ противъ этого доказательства на томъ основаніи, что заключеніе отъ мысленнаго представленія къ бытію дѣйствительному невозможно. Но находились и защитники этого доказательства,—таковы: Декартъ, Лейбницъ, Мендельсонъ и др. Декартъ напр. говоритъ: „какъ необходимо, при представленіи треугольника, мыслить душа, что три угла, взятые вмѣстѣ, равны двумъ прямымъ; или, какъ въ понятіи круга заключается представленіе о равномъ отстояніи всѣхъ точекъ окружности отъ центра; такъ душа необходимо ясно видитъ,

что въ понятіи совершеннѣйшаго Существа необходимо заключается понятіе бытія: Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „когда моя душа размышляетъ, что въ числѣ различныхъ идей, содержащихся въ ней, есть идея о существѣ могущественномъ, совершеннѣйшемъ, высочайшемъ, и что она превосходитъ всехъ другихъ идей: то вмѣстѣ съ тѣмъ душа познаетъ, что въ семъ существѣ необходимо и бытіе. не возможное, не случайное только, какое принадлежитъ предметамъ другихъ идей, являющихся въ нашемъ сознаниіи, но бытіе необходимое и вѣчное.“ Обращая вниманіе на происхожденіе идеи о совершеннѣйшемъ Существоѣ, Декартъ находилъ, что идея эта не могла быть заимствована изъ міра, и что она должна быть насаждена въ насъ самимъ Существомъ совершеннѣйшимъ. Лейбницъ говорилъ объ этомъ доказательствѣ: „Анзельмовъ доводъ можно выразить короче такъ: то существо, изъ сущности котораго необходимо слѣдуетъ бытіе, непремѣнно должно существовать, если только оно возможно, если въ сущности его не заключается противорѣчія. Но все его совершенства таковы, что не разрушаютъ другъ друга, совмѣстны одни съ другими. Итакъ нѣтъ никакого противорѣчія въ понятіи о Существоѣ совершеннѣйшемъ.“

Сущность онтологическаго доказательства состоитъ въ томъ, что намъ прирождена идея существа всесовершеннаго. Эта идея, по существу своему, есть ни понятіе о Богѣ, какъ понималъ ее Декартъ, ни представленіе, но присущая нашему уму возможность или способность образовать понятіе о Богѣ, по мнѣнію однихъ: или врожденное стремленіе къ безковечному, по опредѣленію другихъ: или еще иначе—идея о Богѣ есть потребность ума, побуждающая разсудокъ къ приобрѣтенію познаній о Богѣ. Но стремленіе къ предмету и способность познавать его не могутъ произвести предмета познанія изъ самихъ себя. По этому мы должны признать содѣйствіе Бога человѣку, какъ предмета познанія познающему субъекту. Слѣдовательно, мы должны

признать самооткровение Бога человеку, не моментальное только въ насажденіи идеи, при созданіи души человека, но постоянное дѣйствование Божества на нашъ духъ, на ту его способность, которая предназначена къ воспріятію сверхъестественнаго (т. е. умъ). Необходимость допустить такой, независимый отъ дѣятельности нашихъ душевныхъ силъ, первоначальный источникъ религіозной идеи, подтверждается невозможностію объяснить происхождение религіозной идеи изъ всѣхъ другихъ внѣшнихъ источниковъ. Къ этому же убѣжденію приводитъ насъ простой, не предубѣжденный взглядъ на обыкновенный способъ нашихъ познаній о предметахъ, внѣ насъ существующихъ. Противъ дѣйствія Божества на нашъ духъ, на основаніи свойствъ нашей природы, сказать ничего нельзя. Не должно насъ смущать, при рѣшеніи этого вопроса, и то обстоятельство, что познанія наши о мірѣ высшемъ представляютъ множество противорѣчащихъ представленій и понятій, раздѣляющихъ людей по ихъ вѣрованіямъ. Причина этого кроется въ ненормальномъ состояніи нашего духа по отношенію къ Божеству. Глубокое разстройство человеческого духа выводитъ дѣятельность нашего ума по отношенію къ религіозной идеѣ до темнаго неопредѣленнаго ощущенія Божества, которое тѣмъ не менѣе служитъ въ человѣкѣ естественно глубочайшимъ основаніемъ увѣренности его въ бытіи Божіемъ, не зависящей отъ большаго развитія его умственныхъ силъ, и которому человечество обязано сохраненіемъ и всеобщностію религіи, не смотря на всѣ степени упадка племенъ и народовъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; потому что на этомъ ощущеніи и стремленіи утверждаются всѣ попытки нашего ума уяснить, раскрыть и доказать религіозныя истины. Безъ этого источника мы глухи были бы ко всѣмъ вѣщаніямъ природы, свидѣтельствующей о бытіи и совершенствахъ Творца. Потому-то мы и сказали, что онтологическое доказательство бытія Божія есть важнѣйшее доказательство. Всѣ доказательства предполагаютъ мысль о Богѣ, какъ

уже готовую. Основа этого лежитъ въ природѣ нашего мышленія, въ понятіи самаго доказыванія, потому что доказательство возможно только при представленіи того, что оно хочетъ доказывать. Дитяти, невѣждѣ и грубому дикарю можно истинную идею о Богѣ внѣдрить въ сознание путемъ аргументацій и наставленій въ томъ только случаѣ, когда въ немъ напередъ существуетъ представленіе, къ которому могла бы привиться эта идея. Но самая аргументація, какого бы рода она ни была, предполагаетъ необходимою идею о Богѣ, какъ математическое доказательство предполагаетъ содержаніе теоремы, которую оно хочетъ доказывать. Первый человѣкъ, въ сознаніи котораго возникла идея о Богѣ въ первый разъ, не могъ придти къ ней ни путемъ разсмотрѣнія природы, ни чрезъ рефлексію о своемъ собственномъ существѣ, своихъ нуждахъ, желаніяхъ, стремленіяхъ, ни чрезъ какую либо аргументацію. Но эта-то невозможность вывести идею о Богѣ изъ какихъ-либо воззрѣній, разсужденій и размышленій и становится сильнѣйшимъ доказательствомъ бытія творческой, премірной Первосилы и Первосущности.

(Продолженіе будетъ).

ВЕЧЕРНІЯ БЕСѢДЫ ИГУМЕНА МОСКОВСКАГО ЕДИНОВѢРЧЕСКАГО НИКОЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ О. ПАВЛА ВЪ ДОНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

О молитвѣ Иисусовой.

Старообрядцы обвиняютъ православную церковь за то, во первыхъ, будто въ ней запрещается говорить въ молитвѣ Иисусовой слова „Сыне Божій,“ во вторыхъ, за чтеніе этой молитвы съ словами „Боже нашъ,“ такъ какъ по ихъ убѣжденіямъ истинно и свято только такое чтеніе ея: „Господи І-се Христе Сыне Божій, помилуй насъ,“ напротивъ въ чтеніи ея: „Господи, І-се Христе Боже нашъ, помилуй насъ,“ они видятъ „противенъ гласъ,“ а Аввакумъ положительно называлъ послѣднюю молитву еретическою. Но что первое обвиненіе неспра-

ведливо, достаточно указать на слѣдующее опредѣленіе великаго Московскаго собора 1666/7 года: „сія молитва: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ,—не прекословящимъ свобода есть ко читанію,“ и на то, что и въ настоящее время она встрѣчается въ такомъ видѣ во многихъ мѣстахъ новоисправленныхъ книгъ. Враждебное же отношеніе старообрядцевъ къ чтенію ея съ словами „Боже нашъ“ обличается какъ смысломъ ея, въ которомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ православнымъ ученіемъ, такъ и старопечатными книгами, въ которыхъ нерѣдко встрѣчается чтеніе ея съ словами „Боже нашъ“.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ въ пользу Иисусовой молитвы представляетъ Кириллова книга, въ которой, начиная съ оборота 552 листа и кончая 556 листомъ, „истолковано Господи І-се Христе Боже нашъ, помилуй насъ, аминь.“ Здѣсь читаемъ мы: „Коеждо слово реченаго стиха, исполнь есть повелѣній богомудрыхъ, ово бо отъ еретикъ токмо проста чловѣка, Владыку Христа Бога нашего не разсматривающе, и безстудно глаголаху быти, якоже Арій и ариане, овѣже токмо Бога привидѣніемъ, облекшася въ чловѣка.. друзіи же Бога мняху быти чловѣка... друзіи же, Бога, и чловѣка того мняху быти. и тѣмаже двома естествома.. во едино совокупитися глаголаху.. Сіе все сущес слово, и сей стихъ побѣждаеть и отставляеть, и отмещеть и проблинаеть.“ Далѣе слѣдуетъ подробное объясненіе каждаго слова Иисусовой молитвы. Это свидѣтельство Кирилловой книги, признающей высокое достоинство за чтеніемъ показанной молитвы съ словами „Боже нашъ,“ со всею очевидностію обличаетъ нашихъ старообрядцевъ.

Но старообрядцы, встрѣчая этого обличителя, въ оправданіе свое говорятъ, будто Иисусову молитву съ словами „Боже нашъ“ можно говорить только священникамъ, а простымъ. На это, въ свою очередь, представляетъ опроверженіе, во первыхъ, Никонъ Черногорець, свидѣтельствующій, что ее въ обителяхъ произносили всѣ простые иноки и

неимѣющіе священнаго сана, а, во вторыхъ, старопечатныя псалтири со возслѣдованіемъ, въ которыхъ въ началѣ вечерни находится наставленіе, когда кто молится безъ священника, на единѣ, начинать свое моленіе словами: „Господи І-се Христе Боже нашъ, помилуй насъ.“

Такимъ образомъ, и по отношенію къ Іисусовой молитвѣ старопечатныя книги оправдываютъ православную церковь и обличаютъ старообрядцевъ.

Объ имени Іисусъ.

Старообрядческій міръ доселѣ еще не выработалъ одного общаго сужденія о томъ, что значить слово „Іисусъ.“ Всѣ единодушно утверждая, что имя Спасителя нашего есть *Ісусъ*, объ имени „Іисусъ“ они высказываютъ крайне разнообразныя мнѣнія. Одинъ изъ первыхъ творцовъ раскола Аввакумъ училъ: „имя *Ісусъ* есть имя не Сына Божія, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія спешаго съ небесъ, а имя *антихриста*, что православная церковь, поклоняясь Іисусу, поклоняется не Спасителю міра, Сыну Божію, а антихристу, и всѣ таинства совершаетъ не во имя Христа Спасителя, а во имя антихриста.“ Сподвижникъ же его Лазарь писалъ: „Союзъ и прилагаютъ (Никоніане), ко имени І-сову съ дестію, пишуще *Ісусъ*, да челоуѣчество Сына Божія раздѣлятъ во нѣ составъ отъ Божества.“ Въ седмьтолковои апокалипсисѣ читаемъ: „антихристъ назвася Іисусъ.“ И это толкованіе распространило во всѣхъ старообрядцахъ крайне враждебное отношеніе къ имени Іисусъ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣсколько измѣнился этотъ взглядъ. Въ извѣстномъ старообрядческомъ „окружномъ посланіи“ объ имени Іисусъ написано: „пишемое и произносимое нѣмѣшними греками и росіянами тако: *Ісусъ*, хулити не держаемъ, и не нарицаемъ его именемъ инаго Іисуса именемъ противника Христова, якоже нѣщии безпоповцы зломудрствуютъ. Ибо пшѣ въ Россіи господствующая церковь, вкупѣ же и греческая подъ симъ именемъ исповѣдуютъ тогоже Христа

Спасителя... Сына Божія, единосущна Отцу, и нѣсть здѣ и невозможно подразумѣвати иного Бога, или иного Иисуса никакоже. Видится же и въ древнихъ нѣкихъ книгахъ тако напечатано, якоже въ ковцѣ библии, Острожской печати, изданной въ лѣто 7089, на послѣднемъ листѣ, въ два столбца расположенномъ, идѣже на словенскомъ діалектѣ напечатано І-съ, на греческомъ же Иисусъ. Еще подобаетъ вѣдати. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила въ 1645 году издаде малый катихизисъ, въ оныже вново внесе (?) трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе и имя Христа спасителя вмѣсто І-съ напечата Иисусъ... Также и весь освященный Всероссійскій соборъ, собравшійся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царскихъ палатахъ, ссылаяся о исправленіи церковнаго пѣнія на бесѣды Апостольскія, изданныя въ Кіевѣ Захаріемъ Копистенскимъ въ лѣто 7131, въ нихъ же во многихъ мѣстѣхъ Христово имя напечатано Иисусъ, видѣша и въ церковное употребленіе того не пріаша (служебникъ, въ 10 лѣто Іосифа патріарха, въ предисловіи, листъ 7 на обор.), обаче и суда хульна, еже бы Иисуса нареци инымъ Богомъ не точію не изнесоша, но даже о семъ и неглаголаша. Аще же бы отцы всероссійскаго собора Иисуса разумѣли быти инаго Бога, то всяко, предосторожности ради, предбудущимъ родовомъ сіе объявили бы, ибо сіе дѣло велико есть и молчанія отнюдь недостойно. Аще же не объявиша, то явѣ есть, яко имя Иисусъ нѣсть имя инаго Бога, и нѣсть имя противника Христова, и вся погрѣшность заключается точію въ приложеніи къ имени І-съ, единой гласной буквы и, юже приложивъ, печатають и произносятъ *Иисусъ*. И понеже убо святѣйшіи Московскіи патріарси: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ во употребленіе сего имени не введоша, и мы не вводимъ, и якоже они хулы и поношенія на оное не положиша, и мы не полагаемъ. Паче же и злохуденіе безпоповское, не Духомъ Божіимъ дѣйствуемое, уничтожаемъ и отвергаемъ.“

Въ этихъ словахъ находится такое сужденіе объ имени

Иисусъ, по которому „вся погрѣшность заключается точію въ приложеніи единной гласной буквы“ и осуждаются всѣ хулы, которыми до сего времени поносили старообрядцы это имя.

Но нужно замѣтить, что такія новыя воззрѣнія принадлежатъ не всѣмъ даже старообрядцамъ—окружникамъ. Не-окружники же и доселѣ утверждаютъ, „якобы церковь Все-россійская подѣ именемъ Иисуса вѣруетъ въ сына сатаны, и сей Иисусъ есть не единосущный Отцу, но инъ Богъ, антихристъ.“ Это же самое мнѣніе можно замѣчать у многихъ бѣглоповцевъ и у всѣхъ безповцевъ. Кромѣ этого, нѣкоторые старообрядцы, не соглашаясь признать въ Иисусѣ антихриста, создали оригинальное сужденіе о немъ, яко бы это слово есть „слово еретическій“; а иные еще признаютъ его за слово яко бы несвойственное русскому языку.

Но на всѣ эти хульныя и странныя сужденія старообрядцевъ объ имени Иисусъ старопечатныя книги представляютъ вполне достаточное опроверженіе и обличеніе; такъ какъ во многихъ изъ нихъ можно находить начертаніе имени Господа нашего Иисусъ.

Вотъ Евангеліе, напечатанное при п. Гермогенѣ въ 1614 году, и въ немъ въ евангеліи отъ Маттея, зачало 2-е л. 15 на обор. читаемъ: „Ии-сь Христово рождество“. въ евангеліи Луки, зачало 99 л. 100 на обор. „Ии-сь рече имъ“. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ имя Спасителя напечатано съ двумя гласными въ началѣ. Но старообрядцы имѣютъ обыкновеніе возражать, что здѣсь одно и есть союзъ. На это скажемъ, во первыхъ, что въ греческомъ языкѣ этого союза нѣтъ, во вторыхъ, что по самому смыслу здѣсь нѣтъ мѣста для союза.

Весьма часто встрѣчается напечатаннымъ имя Иисусъ въ бесѣдахъ Златоустаго на 14 посланій ап. Павла, напечатанныхъ въ Кіевѣ въ 1623 году Захаріею Копыстенскимъ.⁽²⁸⁾

(28) Книга о вѣрѣ, напечатанная въ Москвѣ при п. Гософѣ, похваляетъ Захарію Копыстенскаго какъ ревнителя православія и содержитъ въ себѣ извлеченія изъ его сочиненій.

Болѣ замѣчательныя мѣста слѣдующія: „Отроци три въ печи суще и толицѣмъ огни, моленіе о нихъ (іудеяхъ) въсылаху: ниже бо о себѣ болаху да спасутся, но понеже тогда найпаче мняхуся дерзновение имѣти, сего ради о нихъ молахуся. Тѣмже и глаголаху: душею съкрушенною, и духомъ смѣренія да пріати будемъ. Сихъ ради и *Иисусъ* ризы раздра. Сихъ ради и *Иезекииль* рыдаше съ слезами, и въздыхаше съсѣдаемыя зря“ (стр. 256). Въ словахъ „сихъ ради и *Иисусъ* ризы раздра“ встрѣчается къ ряду стоящими три и, изъ коихъ два входятъ въ составъ имени *Иисусъ*, а одно — союзъ, чѣмъ, очевидно, отрицается всякая возможность толковать, будто въ словѣ *Иисусъ* одно *І* есть союзное слово. 2, „Тѣмже сказую вамъ, яко никтоже Духомъ Божіимъ глаголей, речеть анаѰема *Иисуса*. Таже и другое: И никтоже можетъ рещи Господа *І*-са, точію Духомъ Святымъ. Егда видиши, рече, нѣкоего не вѣщающа имене его, или и проклинающа, разумѣй яко волхвъ есть. Паки егда видиши другаго съ именемъ его вѣмъ вся вѣщающаго, разумѣй яко духовень есть“ (стр. 898) Здѣсь *Златоустъ* приводитъ слова ап. Павла, въ которыхъ два раза упоминается имя Господа нашего, и въ первый разъ оно напечатано вполне съ двумя гласными въ началѣ—*Иисусъ*, а въ послѣднемъ сокращенно *І*-съ. Въ обыкновенныхъ же старопечатныхъ апостолахъ оба эти разы имя Спасителя пишется сокращенно. Отсюда слѣдуетъ, что и то и другое есть одно и тоже имя, принадлежащее Господу нашему. Кромѣ того, смыслъ приведенныхъ мѣстъ обличаетъ старообрядцевъ, дерзающихъ хулить имя *Иисусъ*; такъ какъ ап. Павелъ учитъ, что „никтоже, Духомъ Божіимъ глаголей, речеть анаѰема *Иисуса*“, почему всякій хулящій имя *Иисусъ* говоритъ по внушенію того же духа, коимъ говорили языческіе волхвы. 3, „Рече *Иисусъ* Навинь, да стоитъ солнце противу *Гаваона*, и луна прямо дебри еломъ, и бысть. Да пріидеть убо вся вселенная, гаце же двѣ, и три, и четыре, и десять, и двадцать вселенныхъ, и да рекутъ, и да сътворять сіе;

по не възмогутъ. Божій же другъ дружнымъ сзданіомъ повелѣваше, паче же друга моляше, и повинушася работная, и долѣ сый горѣ сущимъ повелѣваше. Зриши ли, яко да на работу сія быша, теченіе учиненное исполняющая; сіе Моисеомъ съдѣянныхъ большіе есть. Почто? нѣсть бо равно морю повелѣвати, и на небеси сущимъ. веліе убо есть и оно, и зѣло веліе: но обаче нѣсть равно, (слыши же поткуду таковъ бысть.) Почто? Образъ баше Христовъ Иисусово имя. Сего ради убо, понеже сщевое нареченіе имяше въ образъ, еже Иисусъ, того самаго нареченія устыдѣся тварь. Что убо? инъ ли не наречеса Иисусъ? но сей сего ради наречеса въ образъ, ибо и Авсій глаголашеса, Сего ради преложиса имя, прореченіе бо бѣ, и пророчество. Той введе люди въ обѣтованіе, якоже І-съ въ небо: „Смысль этихъ словъ Златоуста тотъ, что Иисусъ Навинъ совершилъ чудо, превзошедшее сотворенное Моисеемъ, собственно потому, что носилъ имя Иисусъ, которое есть образъ имени Спасителя и которое нарочно дано было ему, не смотря на то, что онъ уже носилъ имя „Авсій,“—для того, чтобы самымъ этимъ именемъ выразить „прореченіе и пророчество,“ что Иисусъ Навинъ ввелъ людей въ землю обѣтованную, подобно тому, какъ Иисусъ Христосъ вводитъ людей въ небесное царство.

Все это такого рода свидѣтельства, предъ которыми должны умолянуть враги имени Господа нашего „Иисусъ“ и которыя обязываютъ ихъ признать, что оно есть достопоклоняемое имя нашего общаго Спасителя.

По окончаніи этой бесѣды о. Павла, одинъ изъ немногихъ присутствовавшихъ на ней новочеркасскихъ старообрядцевъ передалъ ему нижеслѣдующіе вопросы:

1) Почему патріархъ Никонъ приступилъ къ исправленію книгъ, исправленныхъ и напечатанныхъ при первыхъ пяти патріархахъ? Развѣ были въ нихъ какія либо ереси?

2) Не ввелъ ли патріархъ Никонъ по своему произволу еретическихъ новшествъ въ русскія церковныя книги и обряды?

3) Кого клятвою осудилъ великій Московскій соборъ 1666⁶/7 года?

4) Почему вы не признаете истинной церкви въ старообрядцахъ, не имущихъ священства?

5) Почему не можетъ быть признано истинною церковию общество старообрядцевъ, пріемлющихъ поповъ отъ великороссійской церкви?

6) На какомъ основаніи не признается истиннымъ священство, возникшее у старообрядцевъ со времени митрополита Амвросія?

7) Почему великороссійская церковь читаетъ символъ вѣры 2-го собора безъ прилога „истиннаго“?

8) Какія есть свидѣтельства на то, что имя Спасителя должно писать и произносить Иисусъ, а не Исусъ?

9) Почему великороссійская церковь перемѣнила двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія на триперстное и двуперстное благословеніе на пятиперстное?

10) Почему положена была клятва на молящихся двухперство, хотя и въ церковь ходили?

11) Почему положено было изверженіе на тѣхъ священниковъ, которые по старымъ служебникамъ будутъ литургисать?

12) 1666⁶/7 года положенныя на соборѣ клятвы кто снялъ? (29).

Можно думать, что эти вопросы составлены были старообрядцемъ ранѣ бесѣды о. Павла; такъ какъ въ томъ, что имъ сказано было, уже были отвѣты на нѣкоторые изъ нихъ. По этому и о. Павелъ, выслушавъ вопросы, ограничился лишь краткими отвѣтами, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ.

(29) Изъ этихъ вопросовъ первые 9 были написаны чернилами и одною рукою, послѣдніе 3 карандашомъ и другою рукою.

На первый вопрос онъ сказалъ, что п. Никонъ потому приступилъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ, которыя напечатаны были при первыхъ пяти патріархахъ, что въ нихъ находились весьма важныя разногласія и погрѣшности, (30) какъ это видно было при сличеніи двухъ потребниковъ п. Иоасафа и при разсмотрѣніи по нимъ различныхъ частныхъ вопросовъ. Если же въ старыхъ книгахъ и не было ересей; то и простыя ошибки, состоявшія, по замѣчанію того времени справщиковъ и издателей ихъ, „въ неукрашеніи въ словесѣхъ, или погрѣшеніяхъ въ рѣчахъ, или въ неудобреніи въ дѣлѣ,“ были нежелательны въ богослужебныхъ книгахъ и требовали исправленія.

На второй вопросъ о. Павелъ замѣтилъ, что п. Никонъ исправлялъ книги не по своему произволу, а по совѣту всего освященнаго собора россійскихъ архипастырей, съ соизволенія царя Алексѣя Михайловича и благословенія восточныхъ паріарховъ, и самое исправленіе производилъ чрезъ разумныхъ ученыхъ людей, согласно древнимъ греческимъ и славянороссійскимъ харатейнымъ книгамъ. Посему въ новоисправленныхъ книгахъ нѣтъ ни одной ереси, и доселѣ еще старообрядцы, не смотря на всѣ свои усилія, не могли отыскать въ нихъ ничего дѣйствительно еретическаго.

На третій вопросъ о. Павелъ отвѣтилъ, что великій Московскій соборъ клятвенно осудилъ всѣхъ непокорниковъ и враговъ православной церкви, отдѣлившись отъ нея и отвергнувшихъ ея законную власть, хотя причиною этого отдѣленія послужили вещи сами по себѣ неважныя, не относящіяся къ существу вѣры. Вину, въ этомъ отношеніи, вполне заслуживающую церковнаго отлученія, составляетъ самая

(30) Къ числу явныхъ погрѣшностей принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія: 1, въ 50 псалмѣ по старымъ книгамъ читается: „не отвержи мене отъ лица твоего,“ вмѣсто: „не отвержи,“ 2, прошеніе въ ектеніи, при освященіи воды на Богоявленіе: „О погрузитися сямъ душегубнаго супостата въ водахъ сихъ, Господу помолимся,“ 3, опущеніе словъ въ литургіи Василія Великаго „приложивъ Духомъ твоимъ святымъ“ и тому под. Кромѣ того во многихъ молитвахъ и пѣсняхъ священныхъ очень не ясно выраженъ смыслъ ихъ.

непокорность раскольниковъ церкви, ихъ враждебное отноше-
ніе ко всему святому и истинному содержанію ея.

На вопросы 4 5 и 6 о. Павелъ представилъ вполне обстоя-
тельный и подробный отвѣтъ во время вечерней бесѣды 3 марта.

По вопросу 7 о. Павелъ сказалъ, что, какъ показали разсмотрѣнныя во время бесѣды старопечатныя книги, и до п. Никона 8-й членъ символа вѣры писался различно и съ прилогомъ „истиннаго“ и безъ прилога. Въ новопечатныхъ же книгахъ удержано послѣднее чтеніе потому, что прилога „истиннаго“ нѣтъ въ греческихъ и древнихъ славянороссійскихъ книгахъ.

На 8 вопросъ о. Павелъ отвѣтилъ, что и въ старопечатныхъ книгахъ имя Спасителя имѣло различное начертаніе, встрѣчается оно и въ полномъ видѣ „Исусъ“, а также „Исусъ, Исусъ, І-съ, Исъ“ и тому под. Собственно же правильное начертаніе и произношеніе должно быть *Исусъ*, такъ какъ въ этомъ видѣ оно употребляется у грековъ и значить Спаситель, Исцѣлитель.

На 9-й вопросъ о перстосложеніи о. Павелъ сказалъ, что самыя старопечатныя книги различно учатъ объ этомъ, и если въ православной церкви усвоено при благословеніи архіереевъ или іереевъ употреблять такъ называемое именословное (пятиперстное) перстосложеніе, а при крестномъ знаменіи—триперстіе, то это потому, что показанныя два вида перстосложенія всеобидно употреблялися съ глубокой древности во всей православной восточной церкви и даже въ Россіи до времени изданія тѣхъ печатныхъ книгъ, въ которыя внесено наставленіе о двуперстіи.

Чтоже касается 10 и 11 вопросовъ, то о. Павелъ сказалъ, что едвали старообрядцы могутъ доказать дѣйствительными фактами, будто клятва положена была на молящихся двуперстно, хотя таковыя и въ церковь ходили, за одно употребленіе или двуперстія безъ враждебнаго отношенія къ православной церкви и ея истинѣ, а также будто полага-

лось изверженіе священниковъ изъ сана за то единственно, что они литургисаютъ по старымъ служебникамъ, не соединяя съ этимъ явнаго противленія законной церковной власти и самой церкви.

Наконецъ, на вопросъ, кто снялъ клятвы, положенныя великимъ Московскимъ соборомъ? о. Павелъ отвѣтилъ, что этихъ клятвъ никто не снималъ; онѣ доселѣ лежатъ на всѣхъ раскольникахъ и имѣютъ оставаться на нихъ, „дожде они не вразумятся и не придутъ въ покаяніе,“ то есть, пока они не смиряются предъ законною церковною властію и, разставшись съ своими раскольническими ученіями, не присоединятся къ святой православной церкви. Снимаются же клятвы великаго Московскаго собора съ тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые, познавъ свои заблужденія и не правоту раскола, примиряются съ святою церковію и это снятіе, согласно обычнымъ церковнымъ чиноположеніямъ, совершается законными церковноіерархическими лицами — епископами и священниками.

Этимъ и окончилась первая вечерняя бесѣда о. Павла въ Донской духовной семинаріи.

(Продолженіе будетъ).

Публичное чтеніе Г. С. Веселитскаго-Божидаровича о положеніи славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины, бѣжавшихъ по случаю возстанія.

Самыми жалкими изъ бѣглецовъ были дѣти; часто они бѣжали одни, безъ матерей, или потерявъ ихъ въ бѣгствѣ. Въ нихъ незамѣтно уже было веселости ихъ возраста; они постоянно сидѣли на землѣ безъ всякаго движенія, въ какомъ-то безчувственномъ состояніи. Мы придумали собирать ихъ въ саду, окружающемъ Рагузскую православную церковь; тутъ имъ раздавали нѣкоторыя пособія, учили ихъ молитвамъ, наконецъ, даже чтенію и писемъ. Они стали охотно приходить туда и, въ короткое время, удивительно развивались. Подобныя же пріюты или школы были устроены и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ въ Далмаціи. Учителями, безвозмездно завѣдывающими школами, были православные священники, вызванныя мною изъ Герцеговины и Черногоріи для совершенія требъ. Домъ для школы и жилища священника, обыкновенно, давался однимъ изъ мѣстныхъ жителей. Вообще школы, кромѣ нѣкоторой помощи, оказываемой дѣ-

нямъ, ничего не стоятъ. Священники должны во всякомъ случаѣ получать содержаніе и присутствіе ихъ совершенно необходимо. Безъ нихъ православные Герцеговинцы иль должны ходить въ католическіе храмы и отчуждаться отъ своей вѣры или—совершенно дичать и терять все человѣческое. Въ настоящее время устроено уже нѣсколько временныхъ церквей, которыя служатъ величайшимъ утѣшеніемъ бѣжавшимъ. Въ дѣлѣ устройства школъ и церквей, мнѣ особенно помогалъ приходскій священникъ православной общины Новаковичъ. Съ нимъ вмѣстѣ мы часто объѣзжали различныя мѣстности и слѣдили за школами и церквами. Нельзя не удивляться его замѣчательной способности развивать дѣтей своими разговорами.

Раненые переносятся изъ верхней (сѣверовосточной) Герцеговины въ Черногорію, гдѣ основано 5 госпиталей, а изъ нижней (юго-западной)—въ Бокку-Которскую, гдѣ мною былъ устроенъ госпиталь въ Кастельново и приготовлено открытіе другаго въ Рисано. На это было истрачено прежде всего 10,000 р. пожертвованныхъ русскимъ обществомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ и, потомъ, дополнялось изъ другихъ суммъ. Средствъ не было достаточно на поддержку и этихъ госпиталей, а, между тѣмъ, главное не достигалось: раненые въ самой Герцеговинѣ оставались безъ всякой помощи, ихъ даже не всегда могли переносить до границы; большею частью раны оставались не перевязанными, гнили, и, вслѣдствіе этого, страдальцы умирали отъ ранъ самыхъ легкихъ, въ ногу, руку. Я обращался къ Женевскому центральному комитету Краснаго Креста, прося его прислать свою делегацію для ухода за ранеными. Сначала я получилъ отказъ, такъ какъ Герцеговинцы не признавы воюющею стороною, а помощь возставшимъ противъ законнаго правительства воспрещается статутами общества Краснаго Креста. Я не могъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ и возразилъ, что большинство раненыхъ находится въ Черногоріи, въ странѣ не зависимой и нейтральной и не имѣющей собственныхъ средствъ для помощи. Черногорское правительство, съ

своей стороны, обратилось къ обществу Краснаго Креста и формально признало Женевскую конвенцію. Такимъ образомъ были побѣждены сомнѣнія и устранены препятствія для вмѣшательства международнаго комитета въ Женевѣ, центрѣ всѣхъ національныхъ обществъ Краснаго Креста. Посылка не большой делегации не принесетъ, конечно равнымъ Герцеговинцамъ достаточной матеріальной помощи, но она важна, какъ заявленіе сочувствія имъ этого челоѣколюбиваго и полезнаго учрежденія, имѣющаго повсюду громадное нравственное вліяніе. Этимъ актомъ его устанавливается между западно-европейскимъ обществомъ и страждущими Герцеговинцами нравственная связь, которой еще никогда не было, и Герцеговинцы какъ-бы вводятся въ кругъ европейскихъ народовъ.

Женевскій комитетъ, обратившійся ко всѣмъ обществамъ Краснаго Креста съ просьбою о содѣйствіи, никакъ не ожидалъ, чтобы въ то время уже однимъ изъ нихъ были приняты рѣшенія величайшей важности, клонящіяся къ дѣйствительному обезпеченію участи раненыхъ и больныхъ. Русское общество Краснаго Креста, съ одобренія Августѣйшей покровительницы своей и при содѣйствіи другихъ членовъ Царской фамиліи, послало въ Черногорію цѣлый санитарный отрядъ. Это рѣшеніе принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ событіямъ не только потому, что ему, вѣроятно, будутъ обязаны раненые сохраненіемъ своей жизни, но и какъ первый примѣръ значительной и организованной помощи, выходящей за предѣлы своей страны. Никогда еще ни одинъ народъ не выказывалъ такой великодушной и безкорыстной заботливости о судьбѣ другаго.

Послѣ этого мы могли считать спасенными раненыхъ, которымъ удавалось достигнуть Черногоріи, но положеніе тѣхъ, которые оставались въ Герцеговинѣ, этимъ все таки не измѣнялось. При неимѣннѣи средствъ переноски, большая часть ихъ оставалась въ Герцеговинѣ и погибала. Раны въ оконечности, самыя легкія, оказывались смертельными.

Мысль объ этихъ несчастныхъ не давала мнѣ покою. Не имѣя чести принадлежать къ обществу Краснаго Креста, я не былъ связанъ его соображеніями. Но какъ доставить помощь въ самые лагери Герцеговинцевъ, мимо турецкихъ фортовъ, по невозможнымъ дорогамъ? Гдѣ найти людей, которые-бы взяли на себя обязанность ходить за ранеными при такихъ обстоятельствахъ? Наконецъ, кто могъ-бы устроить это дѣло на мѣстѣ и дать еще ходъ? Отправиться самому въ глубь Герцеговины, когда присутствіе мое требовалось всякій день, какъ для принятія различныхъ мѣръ для всей Далмаціи и Черногоріи, такъ и для переписки со всѣми сочувствующими дѣлу во всей Европѣ, было не мыслимо. Къ счастью нашелся человекъ, горячо полюбившій несчастную Герцеговину, имѣвшій вліяніе на ея вождей, отлично знавшій мѣстность и преисполненный силъ и энергіи. Этотъ человекъ—нашъ соотечественникъ, отставной полковникъ Русской службы П. А. Монтеверде. Онъ принялъ на себя порученіе исполнить почти невозможное и исполнилъ. Была полная зима, вся верхняя Герцеговина покрыта снѣгомъ, въ которомъ вязли ноги путешественниковъ, тропинокъ не было видно и люди двигались на обумъ; приходилось проходить подъ выстрѣлами турецкихъ фортовъ терпѣть всякаго рода лишенія. Все это было преодоленно и, послѣ 5-ти дневнаго перехода, этотъ мужественный человекъ одушевленный высокими благотворительными помыслами, прибылъ на поле Муратовицкой битвы, еще покрытое замерзшими трупами и гдѣ множество раненыхъ уже 14 дней ожидали перевязки. П. Монтеверде не только доставилъ въ лагерь отправленную мною походную аптеку, но и нашелъ людей, охотно взявшихся исполнять его указанія. Это были: Теофанъ Василевскій, Николай Русовъ, Любоміръ Милославлевичъ, Стефанъ Колосовскій и Василій Пиперинъ, все русскіе или воспитывавшіеся въ Россіи. Не будучи ни хирургами ни медиками, они стали перевязывать раненыхъ и отправляли ихъ потомъ до одного изъ устроенныхъ нами госпита-

лей въ Грахово или Кастельново. Герцеговинскіе воеводы обязались давать въ ихъ распоряженіе носильщиковъ и лошадей для доставленія раненыхъ въ госпитали. Наши „лечники“ присылали потомъ аккуратно донесенія о своей дѣятельности, которую они поняли очень серьезно, Герцеговинцамъ они внушили большое довѣріе. Къ нимъ охотнѣе, чѣмъ къ настоящимъ докторамъ, стали приходять вообще за помощью и совѣтомъ.

По послѣднимъ, имѣющимся у меня, извѣстіямъ, число бѣжавшихъ слѣдующее: въ Черногоріи 35,000, расположенныхъ по домамъ, и 15,000 на границѣ; въ Далмаціи, болѣе 25,000; въ Кроаціи 35,000; (по сдѣланному же мнѣ Русскимъ консуломъ въ Фіуме сообщенію даже 40,000) въ Сербіи 16,000. Всего около 130,000.

Но и эта цифра бѣжавшихъ уже въ настоящее время ниже дѣйствительной. Изъ глубины Турціи, изъ, такъ называемой, Старой Сербіи, бѣгутъ христіанскія семейства массами, хотя возстанія тамъ не было никакого; причины бѣгства объяснены мною. Есть слухи, что начинаютъ бѣжать и изъ Болгаріи. Районъ бѣгства болѣе и болѣе расширяется и грозитъ охватить всю Европейскую Турцію. Если теперь надо помогать, 130,000 человѣкъ, то чрезъ 2—3 мѣсяца придется можетъ быть, содержать 200—300,000, да и населенія странъ, куда бѣжали эти семейства, будутъ такъ истощены своими жертвами и стѣснены присутствіемъ огромныхъ массъ новыхъ бѣглецовъ, что потребуются пособія и для нихъ. Въ состояніи ли будетъ вся Европа производить такую благотворительность на неограниченное время? А всѣ усилія, дѣлаемая до сихъ поръ, достигали только поддержанія жизни бѣжавшихъ, но ни сколько не улучшали ихъ положенія. Только, по возвращеніи ихъ на пепелища, можно будетъ помогать имъ съ большею пользою, давая средства начать хозяйство съ изнова. Но могутъ-ли они возвратиться и когда? Наступитъ-ли время, когда намъ можно будетъ помогать имъ съ дѣйствительною пользою, а неподдерживать ихъ только

въ ихъ не нормальномъ положеніи свитальцевъ? Мм. Гг. эти вопросы не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, они выходятъ изъ сферы благотворительности и касаются политики. Будемъ надѣяться, что мудрость правительствъ нынѣ соединенной Европы найдетъ наилучшее рѣшеніе Герцеговинскому вопросу и найдетъ его въ скорѣйшемъ времени. Но на обществѣ разныхъ странъ Европы лежитъ обязанность не дать погибнуть несчастному народу, страдающему такъ тяжело и страдающему безвинно. А болѣе всѣхъ эта обязанность лежитъ на Русскихъ, которые, защищая славянъ, защищаютъ свое дѣло. До сихъ поръ вы одни поддерживали и православіе и славянство. О васъ думаютъ, на васъ надѣются эти тысячи полуживыхъ существъ, терпящихъ невообразимыя лишенія, пораженные страхомъ, горемъ, отчаяніемъ. Откуда-бы ни приходила къ нимъ помощь, они говорятъ: хвала братьямъ Русскимъ. Безъ вашей помощи и безъ надежды на васъ, они-бы уже давно погибли. Я оставилъ моихъ несчастныхъ соплеменниковъ только для того, чтобы передать вамъ ихъ благодарность, ихъ слезы и молитвы. Возвратясь къ нимъ, я расскажу имъ о теплотѣ и искренности вашего сочувствія и въ немъ они почерпнутъ новыя силы. Они опять повторяютъ тотъ сербскій кликъ, который раздастся отъ восточныхъ Альпъ до Балканъ и отъ Дуная до Адриатическаго моря: да здравствуетъ Царь Русскій! да здравствуютъ братья Русскіе!

Некрологъ.

(Высокопреосвященный Митрополитъ Арсеній.)

Апрѣля 28, въ 2 часа ночи, скончался, на 79 году жизни. Высокопреосвященный Арсеній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ С.-Петербургѣ, на Кіевскомъ подворьѣ.

Высокопреосвященный былъ сынъ діакона Костромской губерніи Павла Москвина; въ мѣрѣ назывался Федоръ Москвинъ; обучался сперва въ Костромской духовной семинаріи, а потомъ въ С.-Петербургской духовной

академіи и въ 1823 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. Въ продолженіи академическаго курса съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода постриженъ въ монашество въ 1821 году, 11 Сентября. 1823 г. 1-го Августа опредѣленъ бакалавромъ въ С.-Петербургскую духовную академію, 1825 г. 20 Августа по опредѣленію комисіи духовныхъ училищъ опредѣленъ ректоромъ Могилевской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ. 1826 г. 4 Декабря по указу Святѣйшаго Синода возведенъ въ санъ архимандрита. 1827 г. 23 Августа по опредѣленію комисіи духовныхъ училищъ переведенъ ректоромъ въ Орловскую духовную семинарію и настоятелемъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря. 1829 г. въ Сентябрѣ по опредѣленію комисіи духовныхъ училищъ переведенъ въ Рязанскую духовную семинарію ректоромъ и опредѣленъ настоятелемъ Рязанскаго третьекласснаго Троицкаго монастыря. 1830 г. въ маѣ по указу Святѣйшаго Синода перемѣщенъ настоятелемъ въ Рязанскій второклассной Спасскій монастырь съ оставленіемъ при семинаріи. Въ Октябрѣ 1831 г. по опредѣленію комисіи духовныхъ училищъ переведенъ въ Тверскую семинарію ректоромъ и опредѣленъ настоятелемъ Тверскаго второкласснаго Успенскаго Отроча монастыря; въ Декабрѣ переведенъ настоятелемъ первокласснаго Троицкаго Калязина монастыря. 1832 г. 12 марта именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему епископомъ Тамбовской епархіи и во епископа хирото-

писанъ въ С.-Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ. 1841 г. 5 Апрѣля именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему архіепископомъ Подольской епархіи. 1848 г. 6 ноября именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему архіепископомъ Варшавской епархіи и управляющимъ Волынской и Почаевскія успенскія лавры священно-архимандритомъ. 1860 г. 1-го Іюля Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Святѣйшаго Синода, опредѣленъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Кіево-печерскія успенскія лавры священно-архимандритомъ и членомъ Святѣйшаго Синода.

СОДЕРЖАНІЕ. 1. *Отдѣлъ оффиціальный.* Распоряженія епархіальнаго начальства. 1) Объ утвержденіи въ должности благочиннаго по Новониколаевскому благочинію. 2) Объ открытіи новаго самостоятельнаго прихода въ Донской епархіи. 3) По случаю потери книги, выданной въ 1873 г. изъ Донской дух. консисторіи для сбора пожертвовой на нужды Верхнекибиревской единов. церкви. 4) О пожертвованіи діакономъ Вешенской станицы Филиппомъ Поповымъ 50 рублей на епархіальныя нужды. Отъ Управленія Донскаго архіерейскаго дома. О пожертвованіи прихожаками Новочеркасской кладбищенской церкви 20 руб. въ пользу общины при Новочеркасскомъ Архіерейскомъ домѣ. Приглашеніе духовенства Донской епархіи къ посильнымъ пожертвованіямъ въ пользу семейства умершаго священника Качалинской станицы Іакова Краснова. II. *Отдѣлъ неоффиціальный.* Рѣчь предъ избраніемъ дворянъ Донской области, въ общественныя должности, сказанная Высокопреосвященнымъ Платономъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ, 3 мая 1876 г. О божественномъ происхожденіи христіанства и о прав. церкви, хранительницѣ откровенныхъ истинъ христіанства. Вечернія бесѣды игумена Московскаго единовѣрческаго Никольскаго монастыря о. Палла въ Донской духовной семинаріи. Публичное чтеніе Г. С. Веселитскаго—Вождаровича о положеніи славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины, бѣжаншихъ по случаю возстанія. Пекрологъ.

Редакторъ, Архимандритъ Вѣніаминъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, священникъ Григорій Прозоровскій. Новочеркасскъ. Мая 21-го дня 1876 года

Печ. въ Област. войска Донскаго Типографіи. Мая 21 дня 1876 г.